

пониманию. Понимание (*intellectus*) определяется в этом сочинении как «страдание воспринимающей души» («*animae intelligentis passio*») и «подобие воспринятой вещи» («*rei intellectae similitudo*»). Если эти глоссы действительно произведения Рабана, то его как диалектика следует поставить намного выше Алкуина.

Во всяком случае ученик превзошел учителя в двух произведениях, за которые Алкуин никогда не решился бы взяться и которые в точности отвечали потребностям страны где должна была утвердиться латинская

культура, проникнутая христианским духом. «О воспитании клириков» («*De clericorum institutione*») — это трактат о церковных занятиях, необходимых для германских клириков IX века**. Предлагаемая программа, естественно, соответствует последовательности свободных искусств, в какой их некогда преподавали в римских школах: в основе всего — грамматика, затем риторика, диалектика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия. Языческих авторов можно читать ради цветов их красноречия (*propter ilogem eloquentiae*), но при условии такого отношения к их произведениям, какое было у евреев к пленницам прежде женитьбы на них (Втор. 21:10—13). Так поступали Лактанций, Иларий и Августин; здесь Рабан следует трактату последнего «О христианском учении» (II, 40). К учебному плану Рабан добавляет обширную энциклопедию, обычно называемую «О Вселенной» («*De universo*»), но оригинальное название которой, уже вполне отражающее развернутость и описательную точность немецких названий, представляет собой целую программу: «*De rerum naturis et verborum proprietatibus et de mystica rerum significatione*»***. Все известные автору существа использованы здесь для нравственных и религиозных поучений, которые можно из них извлечь. Их природа практически не представляет собой ничего большего, чем то, что они обозначают, а чтобы знать то, что они обозначают, достаточно знать этимологию их названий. Вот почему знание имени существа освобождает от необходимости убеждаться в том, что оно действительно существует. Важно лишь, чтобы уроки, извлеченные с его помощью, были истинными и полезными. Причем вполне допустимо, что эти уроки будут противоречивы. Например, лев может в одном случае обозначать дьявола, а в другом — Иисуса Христа; чем символичнее какое-либо существо, тем полезнее его знать и тем больше имеется у учителя поводов для наставлений.

Влиянию Рабана Мавра приписывают маленький трактат немецкого монаха Бруу-

Глава III. Каролингский расцвет: Хвек 150

на, прозванного «Кандидом из Фульды», под заглавием «Изречения Кандида» («*Dicta Candidi*»). Это скромное сочинение представляет собой последовательность слабо связанных между собой параграфов, которые касаются главным образом августиновской темы образа Троицы в душе человека и условий применения категорий к Богу в соответствии с приписывавшимся Августину апокрифом «Десять категорий» («*Categoriae decem*»). Внимание историков оно привлекло из-за последнего параграфа — возможно, резюме более обширного фрагмента диалога того же автора, в котором излагается первое доказательство существования Бога, развернутое диалектически, то есть в том виде, в каком оно встречается в средние века. Вселенная разделяется на три рода: то, что есть; то, что живет; и то, что мыслит. Эти три рода иерархически упорядочены и подчинены, по крайней мере, более сильному, ибо то, что познает нечто своим разумом, должно прежде жить и быть, но не наоборот. Следовательно, они подчинены самому совершенному. Пусть же человек, который находится на вершине этой иерархии благодаря своему разуму и который считает себя лучшим и более могущественным, чем все остальные существа, спросит себя, является ли он всемогущим. Он им не является, потому что не может делать